

Կամսար Գրիգորյան

Павло Тычина и Ованес Туманян

Интерес Тычины к армянской поэзии не носит случайный характер. Еще в 1927 году украинский поэт писал Ованесу Ованесьяну: «Дорогой поэт! Хочу подтвердить, что письмо я Ваше получил. Письмо было для меня большой радостью, так как Вы—один из моих любимых поэтов. Спрашиваете, читал ли я Ваши произведения в русских переводах? Конечно, читал, и давно! Читал в переводах, читаю и в оригинале,—хотя и не совсем свободно. В моей библиотеке представлены в оригиналах почти все главные литературы Ближнего и Дальнего Востока. Армянская литература занимает целую полку. Отдельно есть: *Չաճան Տեղան. Դափն Նախընթաց. Մրմնն Բարբյան*, а остальное—хрестоматии, брошюры, журналы, сборники... Думаю дать Антологию Армянской Поэзии по-украински...»¹

В печати давно известны переводы Тычины на украинский язык из Ованеса Ованесьяна, Акопа Акопяна и Ованеса Туманяна. Из цитированного выше письма узнаем, что для Антологии Армянской Поэзии украинским поэтом частично переведены также: Александр Цатурьян, Шушаник Кургинян и Аветик Исаакян. Судя по тому, что уже опубликовано из переводов Тычины, можно утверждать, что Туманян в творческой работе украинского поэта занял особое место. Тычина перевел целый цикл стихотворений армянского поэта— «Перший сміг», «Зелений братик», «Вітер», «Весняне запрошення», «Пташина думонька», «Котикова скарга», «Річенька», «Листопад», «Сліпий ащуг», «Пташина коліскова», «Осінь», «Березень», «Перед картиною Айвазовського», сказку «Краплина меду» и сцену «Боротьби» из лирической поэмы «Ануш».

Только это голое перечисление, особенно учитывая сравнительно малочисленное количество переводов Тычины, свидетельствует о глубоком интересе украинского поэта к творчеству Туманяна.

Павел Григорьевич Тычина принадлежит к старшему поколению современной украинской поэзии. Он заслуженно пользуется широкой популярностью и любовью читателей масс не только Украины, но и всего Советского Союза.

Поэзия Тычины оформилась и выросла на основе лучших традиций украинской и русской литературы. Его путь освещали: Шев-

¹ Журнал «Советакан Երանություն» («Советская литература») на армянском яз. Орган Союза писателей Армении. Ереван, 1941. № 1, стр. 106.

ченко, Скворода, Коцюбинский и Горький. Личное общение с Горьким и, особенно, с Коцюбинским сыграло значительную роль в формировании мирозерцания Тычины. Горький с теплым сочувствием говорил о даровании Тычины, в творчестве которого он особенно высоко ценил его новаторство, поэтическую непосредственность и искренность его стихов. Тычина обогатил стих новыми формами, открыл новые стороны мелодичности, звучности украинской поэтической речи. Чем больше он рос в своем сложном творческом пути, тем чаще обращался к истокам украинской песни, тем более крепла его связь с народными массами.

В стихах ранних лет Тычина выступает как лирик, глубоко и тонко чувствующий дыхание родной природы. Для этого периода творческого развития поэта характерны такие стихотворения, как:

Що місяцю зіроньки кажуть ясеньки?
Що шепчуть квітки уночі над рікою?

или:

Ви зна те, як липа шелестить
У місячні весняні ночі

В этих лирических стихах автор выступает как подлинный живописец природы, как мастер поэтического пейзажа, в которых богатейшие оттенки красок природы выражают его глубокие чувства и думы. Эту же линию продолжает первый его сборник „Сонячні кларнети“ (1918 г.). В стихотворении „Цвіт в моєму серці...“ поэт справедливо говорит о природе своих песен:

Слухаю мелодію
Хмар, озер та вітру.
Я бриню, як струни
Степу, хмар та вітру...

Будучи замечательным мастером лирической песни, Тычина не чужд и других поэтических форм. В строго эпических тонах написано широко известное его стихотворение „На майдані“. В немногочисленных, скупых, вместе с тем подлинно эпических образах воспеваются величие революции, ее могучее дыхание; в этих сжатых строках таятся глубокая вера в массы и нежная любовь украинских матерей к „сыновьям, идущим в бой“. Гражданская муза Тычины прозвучала с новой силой в дни Великой Отечественной войны, всеобщей борьбы против немецких захватчиков. Тычина—яркое и своеобразное явление советской литературы, в творчестве которого так счастливо сочетаются мягкий лиризм с элементами эпической поэзии. Корни лирики Тычины нужно искать в украинской народной песне. Все эти черты творчества украинского поэта во многом сближают его с Ованесом Тумзяном.

Об Ованесе Тумзяне, о творческом гении армянского поэта Тычина говорит с искренним восторгом.

„Як високі гори Вірменії, такі я високі моральні образи Ованеса Туманяна. Як глибокі озера Вірменії,—такі ж глибокі думи Ованеса Туманяна... Яка щаслива Вірменія, що породила істинного гуманіста, який, щасливий народ, що виховав таке велике серце! І серце, і волю, і думку. Ованес Туманян один з перших привітав Радянську владу. І сьогодні, в сталінську епоху радянська влада ще вище підносить спадщину його. Хай знає весь світ, що ми безкраю на культуру могутні і багаті! Хай зорі світової поезії дивляться в творчі води вірменського генія!.¹

Ованес Туманян—самий популярний, любимейший письменник армянського народу. Його творчість, по характеристиці Валерія Брюсова, „разливалось свободно, как весенние воды, подчиняясь лишь прихотливому вдохновению художника“. Произведения Туманяна представляют собой художественную энциклопедию армянской народной жизни. Вот почему Брюсов говорил: „Поэзия Туманяна есть сама Армения“. На его бессмертных произведениях учились и учатся в Армении любить родной язык и литературу.

Все творчество Туманяна и, в особенности, его любимое детище—поэма „Ануш“, проникнуто благородной любовью к родине, родной природе, к горам и ущельям, озерам и родникам, к нежным цветам, к каждой былинке.

Туманян всегда был верен принципу подлинной народности. Писатель в своей исповеди говорит: „Мои легенды взяты мною у народа, все сказки я также взял у народа, из народного, и всегда старался и стараюсь, насколько возможно, остаться ему близким и родным“.

Поэзия Туманяна обладает прозрачной простотой. Особенности языка армянского поэта, его образов, эпитетов, сравнений, метафор обусловлены принципом, который Туманян любил часто повторять: „В искусстве и жизни самое важное—простота. В простоте—сила“. Недаром Туманян так горячо любил светлую поэзию Пушкина и Лермонтова.

В творчестве Туманяна нашли отражение заветные думы армянского трудового крестьянства. Вглядываясь в глубину веков, в тысячелетнюю историю своей родины, поэт вопрошал:

„Скоро ли утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
В зеленых горах?“

Туманян всю жизнь мечтал о светлом часе освобождения, привольной, счастливой жизни народа. Он приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Он глубоко понял ее исто-

¹ Магістральми життя. Статті та промови. Видавництво „Радянський письменник“. Київ, 1941, стр. 68—72.

рическое значение, в особенности для будущего расцвета жизни и культуры малых народов. В 1920 году Туманян писал в Революционный Комитет Армении: „Новая Россия, которая идет, чтобы вывести малые народности из рабского состояния, открывает новую эру в истории человечества“. Туманян был одним из горячих поборников идеи братства народов.

„А як він умів заговорити голосом інтернаціональним! Його відоме звернення у віршах до грузинських поетів,— пише Тychина,— це коштовний зразок розуміння необхідності братання народів“¹.

Все эти особенности творческого облика армянского писателя, его жизненный путь, черты, характеризующие Туманяна не только как поэта, но и как гражданина-человека, благородного борца за торжество идеи братства народов,—все это оказалось, очевидно, особенно близким, родственным душе украинского поэта.

Тychина посвятил специальное стихотворение Туманяну („Дитинство Ованеса“), где описывается эпизод из детства армянского писателя, когда маленький Ованес обманул жандарма и спас старика-бедняка, убившего богатея. Написано это стихотворение с теплым чувством симпатии к личности армянского поэта, со знанием особенностей жизни и быта патриархальной армянской деревни, горной, величавой природы Армении, Лори, где прошло детство Туманяна:

Ой цвілась душа весняна
 Ованеса Туманяна
 І в долині й на горі
 Пречудовного Лорі!
 У ночі він бачив зорі.
 Сонце в день—як на узорі—
 На траві тихенько йшло...
 І так весело було!
 І питав він: любя мамо!
 Ти скажи—чи тож так само
 Вмі й схице говорити?
 О чого ж воно мовчить?

Любопытно, как в стихотворении Тychина свободно пользуется армянскими словами, сохраняя и передавая их звучание украинской транскрипцией:

“Очі старця—блеском лез,
 ще й кричить він: *барев цез!*.. (здравствуйте!)

Или когда мать обращается к маленькому Ованесу:

Те їмистут'юн унес—(если есть у тебя разум)
 Повартуй тут, Ованес!...

Біг він тут—і раптом шез?
 ... Вийшла мати: *барев цез!*

¹ Марістралями життя. Київ, 1941 стр. 71.

Все это, помимо того, что сохраняет местный колорит, придает стихотворению особую обаятельность и теплоту.

Из богатого и разнообразного наследия Туманяна Тычина перевел главным образом детские стихотворения армянского поэта, которые, наряду с произведениями Казароса Агаяна, воспитывали и воспитывают в детях чувство любви к родной речи и родной поэзии. Не случайно Тычина обратился к детским стихотворениям армянского поэта. В характеристике поэзии Туманяна Тычина дает высокую оценку этой части творчества Туманяна, его умению говорить с детьми простым и ясным языком: „А як він умів розмовляти с дітьми!—пишет Тычина. —Його поезії для дітей, його казки, оповідання—це справжні перли в світовій поезії!“.¹ Детские стихотворения Туманяна—любимые произведения армянских детей. Они остаются в памяти на долгие годы, как и многие стихотворения Пушкина, Лермонтова, Шевченко. Вместе с тем они наиболее трудные для перевода.²

В истории переводов с армянского украинскому поэту Павлу Тычине принадлежит особо почетное место. Он свободно владеет тем языком, с которого он переводит. Это редкий случай в истории переводов с армянского на славянские языки. Большинство переводов Тычины из Туманяна удачны и верно передают дух подлинников. Однако, само собою должно быть ясно для каждого, что поэт-переводчик сколь бы ни был добросовестным, требовательным,—в оригинале всегда останутся такие тонкие, подчас неуловимые оттенки мысли, образа, слова, которые невозможно точно воспроизвести в переводе. Здесь можно и следует говорить только о передаче, об определенном переосмыслении поэтического произведения другим поэтом и воспроизведении образной системы на другом языке.

Во многих случаях Тычина сохраняет почти дословный перевод оригинала.

„Ой, ви маленькі, ви гарненькі—
сказав до листячка вітрець.—...“

Здесь сохранен даже порядок слов подлинника, за исключением перемещения последних двух. В большинстве случаев Тычине удается не только максимально приблизиться к оригиналу, но и по возможности сохранить запас слов подлинника:

¹ Магістралями життя. Статті та промова. Київ, 1941, стр. 71.

² Детские стихотворения Туманяна в переводе П. Тычины изданы отдельной книжкой. Ованес Туманян. Переклад з вірменської мови П. Тычини. Зелений братів. Лигандів ЦК ЛКСМУ, 1940.

„Ні, моя маленька,
Бігти між долин
Треба мені спішно.
Бачиш онде млин?
Я повинна силу дати,
Щоб крутився він“.

„Нет, мой маленький,
Я должна идти:
Смотря мельница
Около села:
Я должна дать силу,—
Чтоб вертелась она...“

(Подстрочный перевод с
армянского)

Или в другом случае, в переводе стихотворения „Перший сніг“—

—Мамо люба, ти поглянь.
Як на дворі біло!
Скільки тих метеликів
Рвптом налетіло...

—Вай, мама джан, посмотри,
Полный двор и в дверях
Сколько белых
Бабочек летят...

(Подстрочный перевод с
армянского)

Однако, Тычина глубоко сознает, что не всегда возможно соблюдать эти принципы; он не подчиняется правилам формального, дословного перевода и ищет равноценные эквиваленты в украинской поэтической речи. Он свободно владеет текстами Туманяна. Изменения в его переводах не искажают смысла и не противоречат цельности поэтического воспроизведения. В этом смысле образцом может служить перевод детского стихотворения „Котикова скарга“—

А як же я кину,
Коли ось тут гяну!
Гамо поїв нишком
Мадзун у бабусі,
А потім їй шепче:
Це справа котусі—
Теперь вона влилась—
За мною гоня
А разом із нею
Й Сурен мене ла,
Й Анон із Масоном.
В руках у них пужка:
— А де—вони кажуть—
А де той злодюжка?
Хай тільки поткнеться—
Мадзун од'ї кнеться...

А что ж мне делать,
Если не поплакать,—
Тот Амо тайком
Мацун съел,
Пошел к бабушке
И наговорил на меня.
Теперь, следуя за бабушкой,
В руках по палочке
Они меня ищут—
Тот медвежонок Сурен,
Ано и Мось.
Где?— говорят,
Где?— вор-котенок,
Ах, если найдем его,
Мацун покажем.

(Подстрочный перевод
с армянского)

„Котикова скарга“ Туманяна нередко трудное для перевода стихотворение, потому что в нем многое связано с бытовыми особенностями армянской жизни, и, несмотря на это, Тычине удалось воспроизвести простые и ясные звуки народной музыки Туманяна.

Тычина иногда соблюдает не только размер и ритм, но и стремятся сохранить и интонационные особенности подлинника.

Эл һэрн у мэр,	Один жене,
Кир у ахпэр,	другой клене,
Кии. ерэхэк.	і батько й сии,
Ынкэр, тхэк,	і челядін,
Зоканч, анэр,	сестра і брат.
Кавор, саниһер...	і кум, і сват...

В подлиннике эти строки из сказки „Крапика меду“ звучат так же динамично, как в переводе Тычины.

Детское стихотворение „Осінь“ принадлежит к числу лучших переводов Тычины. Здесь украинский поэт нашел такие формы родной поэтической речи, которые верно передают общее настроение осеннего грустного пейзажа.

Осінь спустилася	На желтые поля
На жовті поля.	Спустилася осень.
Ліс нафарбований	Она вновь окрасила лес
Мрі здаля.	Разноцветно и красиво.
Вітер холодний	Вместе с холодным туманом
Вне, гуде—	Дует ветер,
Зносить из дерева	Гонит и несет
Листя руде.	Желтые листья.
З нив осмутилих	С грустных полей
Всі пташки мої	Печально все
Линуть поволеньки	Тихо несутся
В гнізда свої.	В свои дома и гнезда.

(Подстрочный перевод
с армянского)

Из подстрочного перевода можно убедиться, как незначительно Тычина отошел от подлинника, даже в смысле словесного состава. Особенно отраднее отметить, что в украинском переводе сохранен и ритмический рисунок армянского оригинала.

Павло Тычина в переводах из армянских поэтов остается таким же самобытным и оригинальным, как и в собственных стихах. Его интерес к армянской поэзии не носит внешнего, формального характера: он полюбил ее, он вдохновился ею, как истинный поэт, найдя новые, неведомые, но вместе с тем родные звуки в поэтических богатствах другого братского народа.